

Вырезка из газеты
КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

15 MAR 1986

г. Москва

— Потребности высказывать у меня нет. Просить советов я не любитель. Достаточно уверен в своих поступках. Если понимаю, что не прав? Мучаюсь. Никому не пожелаю тех мучений. Но орошать слезами чужую жилетку?

— А друзья — для чего же они, у Вас, наверное, их мало?

— Давайте только не будем заниматься лишними разговорами по поводу того, для чего нужны друзья. Много ли их у меня?.. Все мои друзья с детства. Друзья появляются в жизни человека в тот, может быть, самый главный период его жизни, когда непонимание и растерянность перед миром сменяются первыми попытками осознать себя и окружающую жизнь. Это люди, которые были с тобой, когда ты становился тем, кем стал. С ними интересно говорить и легко молчать. А когда начинаешь мучительно искать, чем заполнить паузу в разговоре, говорить малозначимые вещи и рассказывать анекдоты — значит, ты общаешься с приятелями. Приятелей у меня много...

Для меня этот актер — загадка. Думаю, не только для меня. Андрей Болтнев первый раз снялся в кино сразу в главной роли и сразу в замечательной картине — «Мой друг Иван Лапшин». За пять последующих лет Болтнев снялся еще в восьми картинах, одна из которых — телефильм «Противостояние» — пятисерийная. Девять картин за пять лет — цифры серьезные, тем более для актера, только начинающего сниматься. Почему именно он и именно сегодня стал зрителям интересен? Ищу разгадку. Но начинать все равно приходится с начала, со светлого приморского города Севастополя, где среди моря, зелени и неба есть театр.

— Я жил с бабушкой, она была актриса. Пятидесятые годы. Приехал в Севастополь из Туапсе. Люди ходят в театр, как на праздник. В спектаклях — четыре действия. В антракте важные адмиралы с большими погонами гуляют по фойе. Каким бы ни был спектакль, у людей — ощущение праздника. С этого ощущения и начался для меня театр.

А потом возникла удивительная загадка. Я знал всех актеров. Знал, что это дядя Миша, дядя Вася, но поразительно: когда видел их на сцене, верил, это — Нахимов, это — Кутузов. Шел за кулисы сразу после спектакля — и снова видел знакомых дяденек... поразительно, как это меня так здорово обманывают?

— Значит, мечта стать актером — с детства, и с проблемой выбора проблем не было?

— Я рос совершенно техническим мальчиком. Обожаю телескопы и магниты. Мечтал быть астрофизиком. Но очень скоро убедился, что совершенно ничего не понимаю в математике. Полный ноль. А без этого хорошим ученым не станешь, даже и плохим — не станешь. Астрофизика осталась моей страстью.

— В таком случае — вопрос не по существу. В «летающие тарелки» верите?

— «Летающие тарелки» к астрофизике не имеют никакого отношения. Поверю, если увижу. Но с другой стороны, почему бы во Вселенной не быть еще разумной жизни? Обязательно должна быть.

— А теперь вопрос по существу. Почему все-таки стали актером?

— Азарт многое решает в выборе профессии. Страсть.

Человек выбирает профессию, потому что у него руки чешутся, потому что желание заняться каким-то делом по ночам спать не дает. Не представляю человека, который бы размышлял так: «Хочу стать летчиком, чтобы перевозить пассажиров» или «Хочу быть самолетостроителем, чтобы вносить свой вклад в дело строительства самолетов».

Овладение профессией, профессионализмом — это уже потом приходит. На мой взгляд, что бы человек ни делал, он должен быть уверен в собственных силах и

рика... Не могу определенно сказать, что спектакль повлиял на меня так-то и так-то. Но разве может бесследно пропасть потрясение?

— Ваше рождение как актера кино связано с фильмом Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин»...

— Когда вернулся со съемок домой, жена удивлялась, что я стал каким-то другим. А я не стал каким-то, я стал таким, как мой друг Иван Лапшин. Походка, голос, даже взгляд были его. Тот случай, когда образ поборол актера.

Сейчас вспоминаю: ехал на пробы в Ленинград и ни

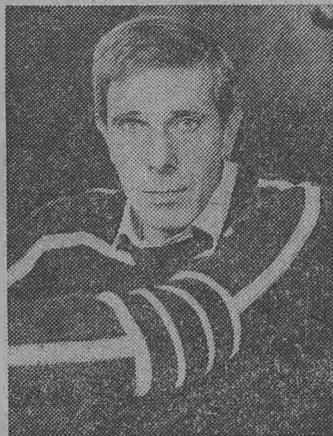
ял нашу потребность в спокойной мужской мудрости. В несуетности. В уверенности в своих силах.

Мы много говорим в последнее время о душевных комплексах. Пригетствуем создание «телефонов доверия». Но давайте подумаем и о том, что это замечательное социальное изобретение нашего времени еще и признан того, как много появляется людей, настолько неуверенных в себе, что они готовы планаться любому.

Я далек от мысли, что Андрея Болтнева не посещают сомнения — они удел талантливых людей, но тот тип, который принес он и на экран, и на сцену — тип человека некомплексующего, уверенного в своих силах, своем призвании, своем деле, — нам интересен и нужен. Мы соскучились по такому актерскому типу.

Андрей БОЛТНЕВ:

ЭТА ЗАГАДОЧНАЯ СЦЕНА...

знать, что свое дело сделает хорошо.

— А Вы сами в этом уверены?

— Привык все делать хорошо и думаю: все, что касается моего дела, сделаю профессионально.

— Прежде чем попасть в Московский театр имени Вл. Маяковского, Вы работали в разных коллективах и, наверное, задумывались над тем: а зачем человек вообще ходит в театр?

— Человек по натуре своей любопытен. Он, собственно, и стал человеком потому, что однажды ему стало любопытно посмотреть: что там за зверьшки рассыпаны в небе? Он поднял голову — распрямил спину. Любопытство движет человечеством. Весь прогресс на нем держится. Когда человек приходит в театр — он в общем знает, чем дело кончится: добро победит, они поженятся и так далее. Но ему любопытно посмотреть на процесс, на то, как из ничего возникает мир образов, чувств, радостей и страданий. Это любопытство нигде больше не удовлетворишь.

Но человек не только любопытен, он горд. Ему не нравится, когда его считают дураком и суют разжеванные истины. Мне кажется, процесс должен быть таинственным, в нем загадка должна быть, — может быть, это из детства идущее желание? — иначе все пропало.

Помню свое потрясение от спектакля «Я, бабушка, Илья и Илларион» Нодара Думбадзе в постановке Георгия Александровича Товстоногова. Несколько дней после спектакля я ходил буквально больной. Чем больше я думал о спектакле, тем больше вскрывалось пластов: и трагедия, и смех, и фарс, и ли-

на что не надеялся. Иллюзий не было. Первая проба. Все впервые. Камера в метре. Пятнадцать человек над тобой висят. И хотя Герман очень бережно относится к актерам, состояние панического ужаса не покидало. А в этом состоянии, как известно, человек десятиметровый забор перепрыгнуть может. Возможно, поэтому пробы Герману понравились. Но даже после повторных проб худсовет студии меня не утвердил. Но Герман настоял на своем. Когда начали снимать, пришел спокойствие — ушло вдохновение. Герман со мной намучился — роль шла трудно.

— Следующее — телевизионное рождение было у Вас в телефильме «Противостояние». Роль Кротова принесла Вам широкую славу. Поразительно, сколь не похож Кротов на Лапшина, даже скорее противоположен ему.

— Я рвался играть Кротова. Сам себя предлагал режиссеру Арановичу. Актер должен создавать внутреннюю репертурную политику, иначе рискуешь повторяться — а это гибель. Мне хотелось сыграть воплощенного подонка, некоего анти-Лапшина.

Человеческий тип Кротова для меня абсолютно противоположен. Я вообще по натуре человек мирный, никогда не дрался, последняя серьезная драка была у меня в первом классе. Не могу ударить человека по лицу. Но тем и интересней сыграть человека, который столь не похож на тебя самого. До сих пор ко мне еще приходят зрительские письма, и удивительно, что зрители обращаются не к моему герою, а ко мне, актеру: «Ваш Кротов вызвал в нас бурю негодования...».

Первой ролью Болтнева в Московском театре имени Вл. Маяковского стал Николай Григорьевич Ромахин из инсценировки повести Бориса Васильева «Завтра была война».

Смотрел этот спектакль, поставленный Андреем Гончаровым, следил за героем Болтнева, и мне становилось ясно, что мы, зрители, нашли в этом актере, чем, хотя бы отчасти, можно объяснить его стремительный взлет. Наверное, зритель всегда ищет в актере то, по чему соскучился в жизни. Тот человеческий тип, который воплощает Андрей Болтнев, уто-

— Знаю, что есть люди не уверенные в себе, «комплексатики», но я их мало видел. Учился в школе, потом служил в армии, самолеты ремонтировал — везде встречал людей, которые знали, чем они хотят заниматься, и без лишних слов делали свое дело. В театральное поступал потом — туда вообще люди не уверенные в себе не суются.

Прекрасно, когда человек задает вопросы, когда у него возникают сомнения. Ужасно, когда он сомневается во всем, идет вдоль стенок, боясь отойти, или просто стоит на месте — лишь бы его не трогали. По жизни нужно двигаться. Пошел туда — стена, сюда — тоска. Ищи третье направление. Стоять на месте, хандрить и плакаться всем и каждому? Значит, нет у тебя того самого чувства любопытства — ведь в движении находятся только любопытные люди.

А если двигаешься — люди тебе помогут. Надо только их не бояться. Знаете, скажем, как грудно вступать в новый театр, приживаться в новом коллективе. Я благодарен Андрею Александровичу Гончарову не только за то, что он пригласил меня в театр, но за то, что и он, и другие актеры помогли при входе в него, не дали захандрить.

— А как Вы сами относитесь к свалившейся на Вас известности?

— В последнее время мне очень везет. С весельем и отвагой думаю, что когда-нибудь это должно кончиться.

Предренать артисту его будущее — занятие неблагодарное. И все-таки, думаю, Болтнев завоевал зрительские сердца серьезно и надолго.

Скоро мы увидим актера в новой непризывной для него роли в фильме Э. Брагинского и П. Фоменко «Поездни на старом автомобиле». Есть много других предложений. Но дело все же не в их количестве, Болтнев сумел заинтересовать нас как личность. Он формировался вдали от театрально-киношной суеты и сумел сохранить в себе человеческие качества, которые в суетности часто теряются. Главное из которых — надежность.

А. МАКСИМОВ.

Фото И. ГНЕВАШЕВА.